

С. Н. СОКОЛОВ,
кандидат филологических наук.

К ВОПРОСУ О ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ
«УБЕЖИЩА МОНРЕПО» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Творчество гениального русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина сыграло огромную роль в развитии русского освободительного движения.

В 70-е годы прошлого столетия, когда создавалось «Убежище Монрепо», Щедрин был уже сложившимся писателем революционно-демократического лагеря, развивавшим идеи Белинского, Чернышевского, Добролюбова в новых исторических условиях. Литературное поприще было для Щедрина трибуной, с которой он разоблачал помещичье-буржуазный строй с его «столпами» и «устоями», пропагандировал идеи крестьянской революции.

В «Убежище Монрепо» Щедрин подвел итоги своим наблюдениям за развитием русской жизни в течение почти двух десятилетий пореформенного периода. В произведении писателем поставлены важнейшие проблемы общественно-политического и экономического характера, а именно: разорение помещиков и вытеснение их «чужаками», судьбы русской буржуазии, полицейский произвол и реакционная роль церкви, частная собственность, семья и государство в дворянско-буржуазном обществе, положение «серого человека» и пути его освобождения. Все эти проблемы нашли свое глубокое художественное раскрытие, имеющее конечной целью подрыв устоев самодержавия. Вот почему «Убежище Монрепо» является одним из тех произведений сатирика, которые несомненно имел в виду А. М. Горький, писавший: «...Невозможно понять историю России во второй половине 19 века без помощи Щедрина...»¹⁾

Свидетельством идейного и художественного богатства «Убежища Монрепо» может служить интерес, проявленный к произведению К. Марксом и В. И. Лениным.

К. Маркс не только прочитал «Убежище Монрепо», но в главах «Общий обзор» и «Предостережение» подчеркнул многие строчки, посвященные злободневным вопросам экономического и политиче-

1) А. М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 273—274.

ского характера, и на полях книги записал свои замечания по поводу выводов Щедрина. В. И. Ленин использовал в ряде своих работ сатирические образы «Убежища Монрепо» с целью изобличения эксплуататорской морали господствующих классов.

Созданное великим художником слова, произведение не потеряло своей обличительной силы, боевого, наступательного духа и в наши дни. Между тем «Убежище Монрепо» пока еще не получило своего полного и всестороннего изучения в работах советских литературоведов.

Отсутствует, в частности, систематизированный обзор цензурных мытарств произведения, а некоторые комментарии к цензурной истории текста содержат ряд неточностей (например, комментарий к тексту главы «Finis Монрепо» Б. М. Эйхенбаума, помещенный в 13-м томе (1936 год) полного собрания сочинений С.-Щедрина). В данной работе автор делает попытку восполнить пробел в цензурной истории «Убежища Монрепо», не претендуя при этом на полноту исследования.

Существующие в настоящее время исследования в области творческой истории «Убежища Монрепо» состоят из нескольких комментариев к тексту и сообщений о цензурной истории двух глав. В дооктябрьский период по этому вопросу ничего написано не было.

В советское время цензурные материалы, касающиеся произведения, были опубликованы в книге Евгеньева-Максимова «В тисках реакции» (1926 г.) и в «Литературном наследстве» (№№ 13—14, 1934 г.). Первый комментарий к тексту главы «Finis Монрепо» был дан в изданных в 1926 году «Избранных отрывках из сочинений сатирика» (ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума). Комментарий посвящен главным образом цензурной истории главы. Более подробный комментарий к тексту произведения был дан в 6-томном собрании сочинений Щедрина, изданном в 1927 году (ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума). Комментарий к тексту Б. Эйхенбаума в 13-м томе полного собрания сочинений Щедрина (1936 год) содержит фактические ошибки, о которых будет сказано ниже. Последний комментарий к тексту «Убежища Монрепо» помещен в 7-томном собрании избранных сочинений сатирика (1949 год). В других изданиях редакторы ограничивались помещением кратких статей, посвященных проблематике произведения, и примечаний к тексту, объясняющих те или иные непонятные для массового читателя места.

«Убежище Монрепо» печаталось в «Отечественных записках». В журнальном тексте первый очерк еще не имел заголовка «Общий обзор» («О. З.», № 8, 1878 г.)¹⁾, он дан под заголовком «Убежище Монрепо». Некоторые советские исследователи Щедрина справедливо указывают, что сатирик не имел в виду продолжать работу

1) «О. З.» — «Отечественные записки».

над произведением. Но события конца 70-х годов повлекли за собой создание Щедриным еще четырех очерков, которые были напечатаны в «Отечественных записках» за 1879 год: в № 2—«Тревоги и радости в Монрепо», № 8—«Монрепо—усыпальница», № 9—«Finis Монрепо» и в № 11—«Предостережение».

В течение последующих лет отдельные очерки были объединены и изданы отдельной книгой. Первое издание было осуществлено в 1880 году, второе—в 1882 году, и третье—в 1883 г. 1)

Помимо отдельных изданий, «Убежище Монрепо» включалось как самостоятельное произведение почти во все издания собраний сочинений С.-Щедрина дооктябрьского периода. 2)

Журнальный текст произведения подвергался цензурным гонениям (а из-за него и весь журнал) и изъятиям. Щедрин упорно и настойчиво боролся с цензурой, отстаивая каждое свое слово. В отдельных изданиях «Убежища Монрепо» он сумел частично восстановить цензурные купюры или произвести замены, сохранявшие смысл изъятых. Но полностью восстановить некоторые первоначальные места произведения ему не удалось. Поэтому отдельные издания «Убежища Монрепо» мало чем отличаются от журнального текста.

Цензурные мытарства коснулись двух глав: «Тревоги и радости в Монрепо» и «Finis Монрепо»

Очерк «Тревоги и радости в Монрепо», первоначально озаглавленный «В добрый час», был напечатан в № 11 «Отечественных записок» за 1878 год. Однако выход в свет этого номера был задержан цензурным комитетом, который руководствовался при этом «донесением цензора Н. Е. Лебедева, нашедшим очерк «В добрый час» «крайне предосудительным» и требовавшим, чтобы книжка была заарестована». 3)

«Предупрежденный об угрожавшей журналу репрессии, Салтыков был вынужден обратиться в Комитет с нижеследующим заявлением:

В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

Желая сделать в 11-м номере «Отч. Зап.» некоторые изменения, я прошу Комитет возвратить представленные экземпляры, взамен которых будут доставлены новые.

18 ноября 1878 года. Редактор М. Салтыков.

Кроме этого заявления, в архивном деле об «Отечественных записках» имеется еще следующая справка, относящаяся к рассматриваемому инциденту:

1) См. об этом комментарий к «Убежищу Монрепо» Б. М. Эйхенбаума в 13 т. полного собрания соч. С.-Щедрина. 1936 г., стр. 559.

2) Произведение напечатано: в 4-м томе собр. соч. 1889—1890 гг., 7-м томе собр. соч. 1891—1893 гг., 7-м томе собр. соч. 1900—1901 гг., 6-м томе собр. соч. 1905—1906 гг.

3) «Литературное наследство», №№ 13—14. 1934. стр. 164.

С п р а в к а.

Исправленные экземпляры № 11 журнала «Отечественные записки» представлены в Комитет 22 ноября.

Исправление заключалось в том, что статья Щедрина под заглавием «В добрый час»—исключена, вместо нее помещена статья под заглавием «Из деревенского дневника» (стр. 6 и последующие)

Верно: Секретарь Н. Пантелеев. 1)

Только через три месяца (в № 2 за 1879 год) очерк—уже под заглавием «Тревоги и радости в Монрепо»—был вновь напечатан в «Отечественных записках». Однако и на этот раз дело не обошлось без вмешательства цензора и всего цензурного комитета. По сообщению Лебедева, комитет установил, что очерк политически вреден, и направил в главное управление по делам печати специальное донесение. В связи с тем, что донесение представляет исключительный интерес с точки зрения отношения правящих классов царской России ко всякой революционной передовой мысли, приводим его целиком:

«В этом сатирическом очерке, который правильнее бы следовало назвать памфлетом, Щедрин старается представить в самом мрачном и отвратительном виде современное положение нашего общества, в котором от произвола администрации, воплощенной автором в лице станового, обществу приходится задыхаться. Прибегая к известному приему, употребляемому в литературе, когда вещи и лица нельзя назвать их собственными именами, а приходится объясняться иносказательно, Щедрин весьма ловко втискивает действия и распоряжения администрации в тесные рамки деятельности станового пристава, приписывая ему при этом ту власть и могущество, которого в действительности становой никогда не имел и не имеет. Рассматривая настоящее произведение Щедрина под этим углом зрения, мы не можем не признать его крайне предосудительным, неблагонамеренным и вредным. А без сомнения никто из сколько-нибудь развитых людей иначе и не будет понимать этот очерк, ибо смешно было бы буквально приписывать становым те свойства и ту силу, которыми автор их наделяет. Очерк свой Щедрин начинает с того, что в имение, в котором он живет, ожидается перевод становой квартиры и приезд нового станового. Он не знает, радоваться или печалиться этому; скорее печалиться, т. к. он думал, что чаша бедствия им выпита уже до дна, а тут вдруг имеется наготове еще целый ушат. О прежних становых говорить нечего, те были люди невинные, пешки, пьяницы, взяточники; но нынешние новые, с тех пор как им даны новые мундиры, люди другого сорта; они приняли в свое заведение основы и краеугольные камни; они получили дар читать в сердцах человеческих; они смело стали делить людей на благонамеренных и неблагонамеренных и тем сделали положение всякого обывателя невыносимым. Всякого, кто не находится на службе, кто не имеет княжеского титула, они могут причислить к разряду злоумышляющих; а между тем всякому хочется жить, и на это имеют право не одни только грабители, но и те, которых грабят; да и следует, наконец, убедиться, что ежели отнять право на жизнь у тех, которых грабят, то в конце концов некого будет грабить. Но так как наружных признаков, при помощи которых можно было бы сразу отличить благонамеренного от неблагонамеренного, нет; ожидать же поступков и мешкотно, и скучно, то в этой крайности, чтобы выйти из затруднения, остался только один способ—это сердцеведение; а когда явился

1) «Литературное наследство», №№ 13—14. 1934. стр. 164.

запрос на сердцеведение—явились и сердцеведы. Затем автор описывает приезд нового станowego, знакомство с ним и его взгляды на свои служебные обязанности; пересыпая все это самыми язвительными сарказмами, он в особенности выставляет деятельность станowego пристава в речи, которую заставляет его произносить при представлении ему подчиненных, т. е. сотских. Речь эта есть не что иное как пародия речи, произнесенной одесским градоначальником Гейнсом при приеме полицейских чинов; некоторые фразы выхвачены из нее даже просто целиком. В этой речи становой возлагает на обязанность сотских без церемоний шпионство за всеми обывателями и главное наблюдение за целостью и неприкосновенностью «краеугольных камней».

Далее в донесении указывается, что в «Тревогах и радостях Монрепо» обнаружено «...явное презрение к правительству, прибегающему к шпионству как главному орудию самосохранения». 1)

Комитет потребовал изъятия № 2 «Отечественных записок». Но управление по делам печати (нач. В. В. Григорьев) на этот раз не согласилось с комитетом (правда, это с ним бывало редко), и Григорьев написал в своем докладе министру, в частности, о произведениях Щедрина, что «...они, как сатирические, естественно, представляют вещи не в их настоящих размерах; преувеличение же, в которое он (Щедрин.—С. С.) вдается, имеет результатом, что читатель проникается не злобой, не негодованием, а смехом...» 2) С этим выводом министр согласился. Как видно, цензурный комитет, цензор Лебедев были значительно дальновиднее своего начальства, решившего, что «Тревоги и радости в Монрепо» не являются сатирой на самодержавие, его «столпы» и «краеугольные камни» и что читатель только весело посмеется над салтыковским преувеличением.

Допустив очерк к печати, цензура все-таки добилась того, что сатирик вынужден был кое-какие места очерка смягчить и произвести замены. По этому поводу Щедрин писал Энгельгардту (6 февраля 1879 г.):

«Институт урядников зачислен в число священных и писать об нем, яко об институте или возвести урядника в перл создания—значит совершить преступление. У меня весь этюд «Тревоги в Монрепо» таким образом перепакостили, выкинув все, что касается урядников. Он был еще в ноябрьской книжке напечатан. Вырезали и с тех пор, в течение трех месяцев, вели р а г и е т 3). Слова: «занимался пропагандами» я должен был заменить словами: «занимался филантропиями...» 4)

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие негодование Щедрина по поводу действий цензуры, для чего сравним первоначальную редакцию этюда «В добрый час» (писарская копия) с жур-

1) Цитир. по кн. Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», ГИЗ, М.-Л., 1926, стр. 65—67.

2) Там же.

3) Затлгивали переговоры (примечание ред.—С. С.).

4) М. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, том 19, 1939, стр. 121.

нальным текстом «Тревоги и радости в Монрепо», 1) полностью сохранившимся в последующих изданиях (за единичными изменениями).

Писарская копия этюда
«В добрый час», вырезанного
из № 11 «О. З.» за 1878 год
Слова «культуристо человека»

1. «...в наше село перевели становую квартиру, и, сверх того, к нам назначили какое-то совсем новое лицо: урядника» (лист 1-й).

2. «Вот хоть бы пропаганды эти».

«Разные пропаганды бывают».
«Сам своих пропаганд не разберу».

«Например, пропагандировал такую мысль».

«Эту мысль я пропагандировал во время освобождения крестьян».

«...не утерпел и за пропаганды принялся»

«...кабатчики очень на меня за эту пропаганду роптали» (л. 5-й).

3. «Затем уже совсем было собрался домой, как вдруг вспомнил об урядниках».

— Ну, а урядник?—обратился я к батюшке:—как-то он на мои пропаганды взглянет?

— Об уряднике ничего сказать не могу и даже впервые о такой должности слышу,—ответил он:—читал, правда, в газетах, будто бы в Костромской губернии у одного обывателя пропала курица и будто бы господин урядник ту курицу за семьсот верст нашел, но верно ли это — сказать не умею» (л. 6-й).

4. «...я занимался «собеседованиями», но при этом неподлежательно и дерзостно употреблял слово «пропаганда» (л. 15-й).

5. «Во-первых, я пропагандировал свободу» (л. 15-й).

Журнальный текст в № 4 «О. З.» за 1879 год («Тревоги и радости в Монрепо»)

1. Подчеркнутое в печатном тексте отсутствует («О. З.», 569; VIII, 31).

2. «Вот хоть бы филантропии эти».

«Разные филантропии бывают»
«Сам своих филантропий не разберу».

«Например, такая мысль».

«Эту мысль я зарубил у себя на носу».

«...не утерпел и за филантропию принялся».

«...кабатчики очень на меня за эту проповедь роптали» («О. З.», 572; VIII, 34—35).

3. В печатном тексте этот отрывок целиком отсутствует.

4. «...я занимался «благими поспешениями» и при этом неподлежательно и дерзостно призывал меньшую братию к общению» («О. З.», 582; VIII, 4).

5. «Во-первых, я, ничего не понимая и без всякого на то полномочия, ежечасно, ежеминутно, болтал о свободе» («О. З.», 583; VIII, 44).

1) В левой колонке будут указываться листы рукописи, в правой — страницы «О. З.» и тома 8-го собр. соч. С. Щедрина (1951 г.). Подчеркивания обозначают изменения в тексте при сравнении.

Слова станового

6. «...это пропаганда правильная, и я думаю, что ее правильно назвать не пропагандою, а «содействием» (л. 16-й).

Слова «культурного человека»

7. «И еще я пропагандировал» (л. 16-й).

8. «Но ежели за мои пропаганды» (л. 16-й).

Слова станового

9. «У меня будет прием сотских, и кстати я познакомлю Вас с моими молодцами-урядниками» (л. 20-й).

Слова «культурного человека»

10. «...не без удивления узнал, что они извлекаются урядником» (л. 32-й).

Слова станового

11. «Я командировал к вам на кухню урядника» (л. 35-й).

6. «...это толкование свободы правильное, и я думаю, что правильнее назвать даже «содействием» (там же).

7. «И еще я, тоже не понимаю, чин утверждал» (там же).

8. «Но ежели за мои тогдашние затеи» («О. З.», 584: VIII, 45).

9. Подчеркнутая часть предложения в печатном тексте отсутствует («О. З.», 586: VIII, 47).

10. «...не без удивления узнал, что они извлекаются каким-то вольнопрактикующим незнакомцем» («О. З.», 597—598: VIII, 58).

11. «Я командировал к вам на кухню особого доверенного человека» («О. З.», 601: VIII, 61).

Сравнение двух текстов позволяет сделать следующие выводы: первое—цензура стремилась вытравить из этюда все, что в какой-то мере затрагивало устои самодержавия, вынудив Щедрина сделать купюры и замены; второе—сатирик с огромным мастерством применил при корректировании текста свою излюбленную «эзоповскую» манеру, позволившую ему не только сохранить основной смысл произведения, несмотря на замены, но и значительно усилить отдельные места текста. Щедрин сам остался доволен заменой слова «пропаганда» словом «филантропия» и в том же письме к Энгельгардту указывал, «что вышло даже лучше».

Действительно, слово «пропаганда» в устах «культурного человека» даже в иносказательном, сатирическом смысле звучало неправдоподобно, хотя и было взято цензурой под подозрение. И, наоборот, введенные вместо него «филантропия», «проповедь», «болтал о свободе», «тогдашние затеи» дали более полное и разностороннее представление о подлинном отношении «культурного человека» к просветительной деятельности в деревне и позволили Щедрину показать одну из ведущих психологических черт характера перепуганного становым барина.

При подготовке текста к второму отдельному изданию «Убежища Монрепо» Щедрин сумел восстановить «урядников», все остальные замены остались нетронутыми.

Прошло всего два года после выхода в свет очерка «Тревоги и радости в Монрепо», и для Щедрина начались новые, как он сам говорил, «цензурные мучительства» теперь уже в связи с очерком *Finis Монрепо*.

Цензор Лебедев писал по поводу этого очерка в цензурный комитет: «В статье редактора «*Finis Монрепо*», не представляющей по общему содержанию никакого цензурного затруднения, есть одно место (стр. 231), где, говоря о новых строгих мерах, предпринимаемых правительством, автор позволяет себе в настоящих обстоятельствах предлагать правительству шутовскую и безнравственную идею: «умников в реке топить, а упование возложить на молодцов из Охотного ряда. А когда молодцы начнут по зубам чистить, тогда горошком... Раз, два, три и се не бе» (очевидно, под горошком автор подразумевает картечь)». «Молодцов горошком, а на место их опять умников поманить. А потом умников горошком: так оно колесом и пойдет». 1) По-видимому, давая этот «совет», сатирик (как устанавливает это Евг.-Максимов) имел в виду подлинные происшествия, имевшие место в Москве в 1876 г., когда лавочники избили землевольцев во время их демонстрации на Казанской площади, и в 1878 году, когда мелкие торговцы и мясники избили московских студентов. В обоих случаях расправа была спровоцирована полицией.

На основании донесения Лебедева цензурный комитет решил арестовать сентябрьскую книжку «Отечественных записок», но Л. С. Маков (министр внутренних дел) дал указание ограничиться изъятием из очерка «вредных» мест. В. Е. Евгеньев-Максимов опубликовал 2) следующую, связанную с этим вопросом переписку. «Конфиденциально.

Его превосходительству А. Г. Петрову.

Г. Министр внутренних дел на докладе моем о задержании № 9 журнала «Отечественные Записки» изволил положить следующую резолюцию: «Согласен, но нахожу, что первоначально можно было бы предложить Редакции исключить или изменить неудобные места из статьи и если Редакция этого не исполнит, то прибегнуть к применению закона».

Сообщая об этом к надлежащему исполнению, покорнейше прошу Ваше Превосходительство уведомить меня о последующем.

Примите уверения в истинном моем почтении и совершенной преданности.

№ 2976

16 сентября 1879 года.

Варадинов» 3)

Салтыков поспешил направить в Цензурный комитет следующее заявление:

«В С.-Петербургский Цензурный Комитет.

1) Цитир. по книге Евгеньева-Максимова «В тисках реакции». ГИЗ. 1926 г., стр. 68.

2) См. «Литературное наследство», №№ 13—14, 1934, стр. 164—165.

3) Петров—председатель Цензурного комитета; Варадинов в связи с тем, что начальник главного управления по делам печати Григорьев находился в отпуске, исполнял его должность.

Ввиду предполагаемых изменений в 9-м № «Отечеств. Записок», имею честь покорнейше просить о выдаче заарестованных книг журналов для исправлений. По исполнении сего, требуемое количество экземпляров будет представлено в Комитет вновь.

17 сентября 1879 г. М. Салтыков».

Однако этим заявлением мытарства сентябрьской книжки не закончились, и Салтыкову пришлось обращаться по поводу ее выпуска к секретарю Комитета Н. И. Пантелееву.

«Милостивый государь Николай Иванович!

Александр Григорьевич обещал мне выпустить книгу 9-й № «Отеч. Зап.» по сличению сделанных исправлений. Между тем потребовались самые вырезки, и это замедлило выпуск книги. Ныне же вырезки готовы, да инспектор типографии занят. Так что вряд ли даже и в субботу № выйдет. Нельзя ли Вам принять в этом деле участие и попросить Александра Григорьевича хоть частным образом убедиться, что вырезки сделаны, и выпустить книгу.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

20 сентября Михаил Салтыков».

После того, как «вредное место», на которое указывал Лебедев, было из «Finis Монрепо» изъято (и был изъят из номера целиком очерк «Первое июня» из серии «Круглый год») сентябрьская книжка «Отечественных Записок» получила разрешение на выход в свет.

В дальнейшем сатирику удалось частично восстановить изъятое цензурой место в отдельных изданиях «Убежища Монрепо», начиная с первого издания 1880 года. Этот частично восстановленный текст и воспроизводился во всех последующих дооктябрьских изданиях.

В советское время изъятый из «Finis Монрепо» и частично восстановленный сатириком текст воспроизводился без изменений во всех изданиях произведения вплоть до 1931 года. 1)

В 1936 году, когда было предпринято издание полного (20-томного собрания сочинений Щедрина, редактор текста «Убежища Монрепо» (13-й том этого издания) Б. М. Эйхенбаум поставил перед собой задачу восстановления изъятого из «Finis Монрепо» места. При этом он пошел по пути конъектуры, т. е. целиком использовал изъятое место в интерпретации его цензором Лебедевым, вложив эти слова в уста станového. Между тем вряд ли была необходимость

1) Отдельным изданием «Убежище Монрепо» в наше время не вышло, однако оно полностью или частично включалось во все издания собраний сочинений сатирика. Произведение напечатано в 10-томном собрании соч. 1918 г.; в «Избранных стрелках из сочинений» (глава Finis Монрепо) 1926 г.; в 4-м томе собр. соч. 1927 г.; 13-й книге собр. соч. 1931 г.; 13-м томе полного собр. соч. 1936 г.; в сборнике «Писатели—земляки о родине» (отрывки из произведения, Пенза, 1943 г.); в однотомнике «Избранные произведения» 1946 г.; 5-м томе собр. соч. 1949 г.; 8-м томе собр. соч. 1951 г.

прибегать к конъектуре, так как изъятое цензурой место полностью сохранилось в имеющемся черновом автографе, правда, в несколько иной редакции,

По-видимому, все дело заключалось в том, что черновой автограф изъятого места был прочитан неполностью, с пропусками, и поэтому представлял меньшую ценность по сравнению с цитатой Лебедева.

В своем комментарии к тексту «Убежища Монрепо» (13-й том полн. собр. соч. С.-Щедрина, стр. 559—560) Б. М. Эйхенбаум пишет: «Цензор Лебедев цитирует это место иначе, чем оно читается в черновом автографе. В черновом автографе после слов Грацианова: «В Ведомостях пишут: «Всех умников в реке бы топить надо» (стр. 30) следуют реплики:

— Основательно: самая это здравая политика — «умников» в реке утопить, на место их возложить упование на молодцов из Охотного ряда. Одна беда: начнут они по зубам чистить, да в шею накладывать — как бы тогда не тово...

— А горошком-с? Раз—два—три— и се не бе!

«Грацианов ушел» и т. д.»

Приведя дальше уже цитировавшееся нами донесение цензора Лебедева, Б. М. Эйхенбаум продолжает:

«Совершенно ясно, что в промежутке между черновым автографом и печатным текстом Щедрин изменил это место — и притом в сторону усиления, а не смягчения. При этом в черновом автографе нет дальнейшего разговора о Разуваеве. В журнальном тексте после слов «Вон из Москвы пишут: «умников»-де в реке топить надо...» следует:

— Тсс... Да! так вы, кажется, об Разуваеве начали говорить?» и т. д.

При таком положении, — развивает свою мысль и делает вывод Б. М. Эйхенбаум, — редактору текста приходится выбирать один из двух путей: либо пожертвовать содержанием этого куска и оставить печатный текст, либо пожертвовать текстологической чистотой и прибегнуть к конъектуре: вместо слова «Тсс...» взять приведенную цензором цитату. Ввиду ценности этого куска мы решили выбрать второй путь: после слов «Вон из Москвы пишут» берем цитату цензора и в реплике Щедрина ликвидируем слово «Тсс...», считая, что оно появилось взамен вырезанных цензурой фраз о «горошке».

Мы намеренно привели большие выдержки из комментария Б. М. Эйхенбаума, ибо он содержит несколько серьезных фактических ошибок:

1. Б. М. Эйхенбаумом неполностью прочитан автограф: в приведенной им выдержке из автографа пропущена целая фраза в основном тексте и полностью пропущено все, что дано сатириком в качестве дополнения на полях (после ZZZ).

2. Неправильно утверждение, что «в черновом автографе нет дальнейшего разговора о Разуваеве». Этот разговор есть в непрочитанном

танном редактором текста дополнении на полях автографа.

3. В журнальном тексте нет приводимого Б. М. Эйхенбаумом диалога. Он появился лишь в первом отдельном издании «Убежища Монрепо» (1880 г.).

4. У Б. М. Эйхенбаума слово «Тсс...» произносит собеседник станового. Между тем, начиная с первого отдельного издания и во всех последующих, «Тсс...» произносит становой.

Наиболее удобным способом обнаружения указанных ошибок будет являться сравнение текстов:

Журнальный текст («О. З.» № 9 за 1879 г., стр. 231). 1)

— Слава богу! а то совсем было распустили!

— Теперь—конец!

— Всеми венец! Да! так вы, кажется, об Разуваеве начали что-то говорить?

— Просил он узнать, не примете ли вы его?

Текст первого отдельного издания (Спб., тип. А. С. Суворина, 1880 г., стр. 157).

— Слава богу! а то совсем было распустили!

— Теперь — конец!

— Всеми венец! Вон из Москвы пишут: «умников»-де в реке топить надо...

— Тсс...

— Да! так вы, кажется, об Разуваеве начали что-то говорить?

— Просил он узнать, не примете ли вы его?

Из приведенных отрывков видно, что в журнальном тексте после слов «Всеми венец!» полностью отсутствует место текста, процитированное цензором Лебедевым в донесении, да его и не могло быть, так как цензура изъяла его целиком. По отрывку из отдельного издания можно заключить, что Щедрин сумел восстановить только часть этого места, начиная со слов «Вон из Москвы» и кончая «Тсс...». Наконец, по расположению диалога *можно установить*, что «Тсс...» произносит становой, а не его собеседник.

Может возникнуть вопрос: почему, восстанавливая цензурные изъятия, Щедрин в отдельном издании 1880 г. фразу «Вон из Москвы пишут: «умников»-де в реке топить надо» вложил в уста «культурного человека», тогда как в автографе она принадлежит становому?

Наиболее вероятным на это будет ответ: Щедрин намеренно вложил эту фразу в уста «культурного человека», желая обойти цензуру и в то же время сохранить в пределах возможного политическую остроту содержания восстанавливаемого отрывка текста. Щедрин сделал перестановку фразы потому, что ему надо было

1) Диалоги будут начинаться со слов собеседника станового — «культурного человека». — С. С.

обязательно заставить станового произнести «Тсс...». Этим сатирик достиг двух целей: дал цензуре понять, что *будто бы он, Щедрин*, согласен с ней и поэтому устами представителя власти пресекает нежелательный разговор на политическую тему, подчеркивает бдительность «верхов»; в то же время, вкладывая «Тсс...» в уста станового, сатирик по-эзоповски обозначил им атмосферу эпохи, когда распоясавшаяся реакция налагала печать молчания на малейшее критическое отношение к ее действиям.

Теперь покажем, что из себя представляет полный текст этого места автографа и сравним его с приведенным выше отрывком, цитируемым автором комментария, а также с соответствующим местом текста, отредактированного Б. М. Эйхенбаумом и с 1936 года печатающегося во всех изданиях произведения.

Полный текст прочитанного нами этого места автографа (л. 15-й)

— Слава богу! А то было совсем распустились! 1)

— Теперь конец-с!

— Всеми венец!

— В Ведомостях пишут: всех умников в реке бы топить надо.

— Основательно. **В другое время я бы сказал: какой, однакож, курицын сын! Но теперь говорю:** самая эта здравая политика — «умников» в реке утопить, а на место их возложить упование на молодых из Охотного ряда. Одна беда: начнут они по зубам чистить да в шею накладывать — как бы тогда не тово...

— А горошком-с? Раз—два—три и се не бе!

— Гм... горошком? Что ж, это недурно. Их—горошком, а на их место опять умников поманить, а потом умников в свою очередь горошком... Да! так вы об этом Разуваеве, кажется, что-то хотели сказать?

— Просил он меня: не примете ли вы его?

— Был он у меня... А впрочем... знаете ли, день на день не всегда похож бывает. Все не решаешься, да не решаешься — и

Текст, отредактированный Б. М. Эйхенбаумом (см. в 13-м томе полн. собр. соч. стр. 130)

— Слава богу! а то совсем было распустили!

— Теперь — конец!

— Всеми венец!

— Вон из Москвы пишут: «умников» в реке топить, а упование возложить на молодых из Охотного ряда. А когда молодцы начнут по зубам чистить, тогда горошком. Раз—два—три и се не бе! Молодцов горошком, а на место их опять «умников» поманить. А потом «умников» горошком. Так колесом оно и пойдет.

— Да! так вы, кажется, об Разуваеве начали что-то говорить.

— Просил он узнать, не примете ли вы его?

— Был ведь он у меня... И такой странный: вынул из кармана бумажник и начал перед глазами махать им. А впрочем, день на

1) Диалог начинает собеседник станового. — С. С.

вдруг выйдет такой час: возьми все и отстань!

— Значит, так и ему сказать?

— Так и скажите: верного, мол, еще нет, а от знакомства не прочь.

— А как бы для вас-то было хорошо!

— Начинаю думать, что так.
«Грацианов ушел» и т. д.

день не приходится. Я вообще трудно решаюсь, все думаю: может, и еще бог грехам и потерпит! И вдруг выдастся час: возьми все и отстань!

— Значит, так и ему сказать?

— Да, пусть придет. Так и скажите: верного, мол, еще нет, а на то похоже!

— А как бы для вас-то было хорошо!

«Наконец, Грацианов ушел» и т. д.

Таким образом, видно, что в приведенном Б. М. Эйхенбаумом отрывке из автографа пропущена не только целая фраза (подчеркнута.—С. С.) после слова «Основательно», но и целый большой отрывок текста, начиная со слов «Гм... горошком...» и кончая словами «Начинаю думать, что так». Между тем в пропущенной фразе и отрывке заключается главное содержание, послужившее причиной изъятия этого места из журнального текста.

Приведенный нами отрывок текста автографа опровергает, как уже сказано, утверждение Б. М. Эйхенбаума и о том, что «в черновом автографе нет разговора о Разуваеве» (см. цитируемый отрывок комментария); этот разговор *есть* в автографе. С небольшими и несущественными изменениями он вошел и в журнальный, и в последующие тексты произведения (ср. с текстом 13-го тома со слов: «Да! так вы, кажется, о Разуваеве начали что-то говорить?»). Наконец, при сравнении текстов автографа и соответствующего места в 13-м томе собр. соч. можно установить существенное различие в расположении диалога. В автографе фразы изъятых мест (диалог) распределены между становым и его собеседником—«культурным человеком». Это бесспорно оправдано всей идейной направленностью произведения: Щедрин, разоблачая в лице станового царскую реакцию, подчеркивает в то же время трусость и бессилие прогоревшего помещика, не нашедшего в себе мужества противостоять становому и угодливо ему поддакивающего.

Между тем в интерпретации цензора Лебедева изъятые места представляют не диалог, а его вольную передачу без разделения фраз между собеседниками. Этой интерпретацией и воспользовался Б. М. Эйхенбаум, вложив весь разговор между собеседниками в уста одного станового.

Очень может быть, что цензор Лебедев цитирует изъятые места дословно. Подтверждением этому может служить и фраза в его цитате, отсутствующая в автографе («Так оно колесом и пойдет»). Но никаких доказательств к этому не существует, и остаются одни предположения.

В то же время изъятые цензурой места полностью имеются

в сохранившемся черновом автографе, правда, по непонятным причинам, прочитанное редактором текста лишь частично. Если бы этого не случилось, и автограф был бы прочитан целиком, бесспорно, исчезла бы надобность прибегать к конъектуре.

Общезвестно, что непреложным законом для каждого литературного исследования является безусловное соблюдение авторской воли писателя. Вот почему в будущем новом издании «Убежища Монрепо» изъятый цензурой текст из главы «Finis Монрепо» должен быть восстановлен по автографу.

Цензурные мытарства произведения говорят сами за себя. Царские цензоры увидели в его обличительной силе революционный подрыв устоев самодержавия и поэтому стремились изъять произведение как «вредное», а когда это не удалось—снизить его политическое звучание. Невзирая, однако, ни на какие цензурные рогатки, борясь буквально за каждое слово и проявив в этом отношении большое художественное мастерство, Щедрин сумел сохранить в «Убежище Монрепо» его боевой, наступательный дух, обусловленный остротой политической мысли революционного демократа.